

*ЛУЧИНСКАЯ Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета (г. Краснодар). Автор более 130 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9554-1357>

ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ В ДИСКУРСЕ ПОСТМОДЕРНА

Статья посвящена проблеме репрезентации языка культуры в текстах постмодернизма, насыщенных культурными кодами, которые обобщают все понятия культуры, характерные для данной эпохи. В работе указывается, что основными формами репрезентации языка культуры в художественных текстах постмодерна становятся ключевые слова, слова-символы, прецедентные феномены, а также номинации разных наук и искусств, составляющие культурную память человечества. Анализ современных постмодернистских текстов показывает, что они характеризуются игрой аллюзий и цитат из всего контекста мировой классической литературы, входящего в когнитивную систему «компетентного» читателя, которого намеренно отсылают к содержанию других сообщений, переданных текстами «готовой» культуры. Постигание «двойного смысла» произведения сопровождается обменом знаниями с предшествующими поколениями. Утверждается, что некоторые языковые единицы способны быть носителями так называемого национально-культурного компонента и, как правило, это ключевые слова – особо важные и показательные для отдельно взятой культуры. Очерчивается круг вопросов, связанных с пониманием и интерпретацией сложных многослойных текстов постмодерна – произведений русской и зарубежной литературы. Высказывается идея о том, что отношения между текстом и культурой, текстом и автором, автором и читателем строятся по законам того культурного пространства, в котором текст был создан и воспринят читателем. Язык культуры воплощается в текстах, но выходит за их пределы и растворяется в социуме. Отмечается, что постмодернистский художественный текст насыщен знаками разных культур и знание языка культуры способствует интерпретации и пониманию текстов постмодерна. Данный подход позволит в перспективе исследовать реализацию дискурса-универсума в рамках описания языковой картины мира.

Ключевые слова: *постмодернистский дискурс, интерпретация, язык культуры, прецедентный феномен, культурный код.*

*Адрес: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149; e-mail: bekketsam@yandex.ru

Для цитирования: Лучинская Е.Н. Язык культуры в дискурсе постмодерна // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2020. № 2. С. 34–42. DOI: 10.37482/2227-6564-V004

Проблемы взаимоотношения языка и культуры, места человека в культуре, взаимосвязи языковой личности, текста и дискурса – это лишь немногие актуальные вопросы современной лингвистики. Язык и культура представляют собой самостоятельные разнородные понятия, и их сложное взаимодействие и сегодня остается предметом горячих дискуссий. В трудах Э. Сепира, Ю.М. Лотмана, М.М. Бахтина и других авторов намечаются две различные точки зрения на принцип решения данной проблемы: предлагается объяснять культуру через язык и язык посредством культуры. Так, например, исследователи считают, что «одним из надежных и эффективных способов изучения культуры того или иного этноса является, бесспорно, язык, вошедший в себя в форме знаков всевозможные комбинации проявления жизнедеятельности человека, его мысли, сам дух» [1, с. 49].

Код культуры обобщает все понятия культуры, характерные для данной эпохи. Изучение языка культуры по разным письменным источникам позволяет понять, чем отличается тот или иной народ, та или иная культура. При этом следует помнить, что некоторые языковые единицы способны быть носителями так называемого национально-культурного компонента и, как правило, это ключевые слова, которые особо важны и показательны для отдельно взятой культуры. Например, фразеологический состав языка представляет собой систему образов, хранящих материальную, социальную и духовную культуру нации. Однако в текстах постмодерна устойчивые единицы (фразеологизмы, пословицы, поговорки), а также прецедентные феномены используются уже в новом, переосмысленном, часто ироническом значении. В. Пелевин в своей игре с культурными кодами усиливает ироничность, намеренную абсурдность ситуации. Для иллюстрации преосмысленности и переосмысления текстов «готовой культуры» приведем цитату из постмодернистского текста В. Пелевина, включающую аллюзию на известные события в России 3 октября 1993 года – обстрел Белого дома:

«И дым отечества нам сладок и приятен. Парламент» [2].

Сравним:

«И дым отечества нам сладок и приятен!» –

Так поэтически век прошлый говорит.

А в наш – и сам талант все ищет в солнце пятен,

И смрадным дымом он отечество коптит!» [3].

Как видим, еще Ф.И. Тютчев привнес новую коннотацию в эту фразу, и нелишним будет упомянуть, что авторство строки *И дым Отечества нам сладок и приятен!* принадлежит Г.Р. Державину, а позже она появляется в творчестве Ф.И. Тютчева, К.Н. Батюшкова, П.А. Вяземского, А.С. Грибоедова и других поэтов последующих эпох.

Понятие «язык культуры» раскрывается учеными по-разному, однако все они сходятся во мнении, что это система представлений, посредством которых человек осмысливает свою жизнь и окружающий мир. Вопросы, связанные с сохранением и передачей духовной культуры отдельного народа посредством языка, находятся в русле лингвокультурологии и этнопсихолингвистики (см. понятия «концепт», «лакуна», «прецедентный феномен» и др.). Язык и мышление различны, однако часты случаи совпадения значений символов, объединяющих народы в их мировоззрении.

В этом контексте можно сопоставить так называемые бродячие сюжеты сказок, существующие в мире: русский «колобок» есть и в английской литературе («The Gingerbread Man»/«Имбирный пряник»), а «золотая рыбка» – в японской («человечек Тимпе-Те»). Диссертация Н.А. Викторовой посвящена рассмотрению эволюции английской литературной сказки в эпоху постмодерна [4]. Автор подчеркивает, что «специфику английской литературной сказки составляет ее изначальная интертекстуальность по отношению ко всем сказочным текстам и синтез фольклорных и литературных жанров. Эти черты претерпевают эволюцию от простого заимствования и включения в текст стереотипных сюжетных ходов, традиционных тем и образов, волшебных атрибутов до осознанной постмодернистской игры с элементами

идейно-тематического, композиционного, образного, языкового уровней, которая является ироническим переосмыслением (нередко в форме пародии или стилизации) более ранних произведений этого жанра» [4, с. 19].

Е.В. Назаренко, Н.А. Приходько также отмечают, что «определенный набор сюжетов имеет высокую степень повторяемости, а новый сюжет возникает, опираясь на уже существующие. В современном авторском дискурсе можно выделить целую череду подобных мотивов. Напр.: *Гарри Поттера можно сравнить с Золушкой: он сирота и живет в доме тети, где его не любят и обижают. Потом оказывается, что он известен и перед ним открываются много перспектив...*» [5].

В подобном случае наблюдается феномен вторичного семиозиса в постмодернизме литературной сказки, т. е. включения языка культуры (мифов, легенд, сказок), и это позволяет по-новому репрезентировать картину мира современности.

Этнокультурная символика передается от поколения к поколению благодаря способности языка означать вещи конкретные и абстрактные, существующие и воображаемые. В языке культуры заложена та когнитивная информация, которая была присуща мировоззрению наших предков, и потому ее расшифровка не просто интересна, но позволяет этносу идентифицировать себя. Различия в символике образов через фольклор показывают особенности национального мышления и мировоззрения через раскрытие внеязыкового, мнимого содержания слова-символа. Ключевые слова являются важнейшими составляющими культурного пространства постмодернистских текстов. В комплексе ключевые слова образуют концепт, а затем и концептосферу данной культуры.

В языке, как известно, отражены определенные черты внеязыковой действительности, присущие конкретному культурному типу. Культурологи убеждены, что концептуализация носителей языка, характерная для соответствующей культуры, осуществляется ими с

первых моментов освоения языка. Вследствие этого слова, или лингвоспецифичные концепты, становятся «бесценными ключами» к пониманию артефактов культуры, обычаев и традиций общества, набором ценностей, значимых для определенной культуры.

Сегодня в рамках когнитивной лингвистики исследователи изучают концептуальную систему народа в опоре на языковые данные, что вносит существенный вклад в описание концептов национального сознания. Важнейшей составляющей языка культуры является, по мнению многих авторов, понимание смысла. Культура включает определенное, характерное для данной нации представление о смысле, выражение которого обуславливает выполнение коммуникативной, экспрессивной функций языка. Как известно, система языка дает возможность употреблять слова в целях выражения смысла. Культура, смысл, общение образуют триединство, в основе которого лежит понимание, а коммуникативная потребность лежит в основе порождения феноменов культуры, которые становятся достоянием сознания людей. Вследствие этого культура в своих конкретных проявлениях включается в коммуникативный процесс, ее социальное существование оказывается фактом коммуникации. Это происходит потому, что культура опосредует отношение человека к природе и обществу. Э. Сепир подчеркивал, что понятие культуры охватывает любые «социально наследуемые черты человеческой жизни, материальной и духовной» [6, с. 466]. Такая трактовка культуры предполагает включение человека, который живет в социальном мире со сложной сетью оберегаемых традицией привычек и обычаев. Действительно, концепт культуры охватывает в едином термине общие установки, взгляды на жизнь и специфические проявления цивилизации, позволяющие конкретному народу определить свое место в мире. Возможно, поэтому культуру представляют в виде «специфической матрицы, формирующей национальную цивилизацию» [7, с. 473].

Изучение языка культуры в постмодернистском дискурсе мы считаем актуальным и перспективным. Идеи изучения языка в аспекте культуры, выдвинутые еще В. Гумбольдтом и Э. Сепиром, а затем подхваченные Ю.М. Лотманом, А. Вежбицкой, Е.М. Верещагиным, В.Г. Костомаровым, В.А. Масловой и другими учеными, получают развитие в современных направлениях лингвистики, посвященных анализу постмодернистского текста. Т. Калугина и Е.А. Покровская назвали постмодернизм «культурной аурой эпохи» и «константой культуры»: «Именно тип культуры как культурологическая категория, связанная с существованием культуры в целом, а не только конкретный художественный стиль или отдельное художественное течение. Постмодернистский тип культуры» (цит. по: [7, с. 346]; [8, с. 195]).

Отмечая преемственность культуры в литературных течениях, исследователь Н.П. Беневоленская утверждает, что «постмодернизм является полноправным психоидеологическим образованием, которое, отнюдь не ограничиваясь игрой и эпатажем, создает специфический целостный мирозобраз и, несмотря на демонстративно декларируемый разрыв с основными этическими и эстетическими канонами, отнюдь не порывает с предшествующей национальной культурной традицией, а продолжает и развивает ее» [9, с. 5].

Анализ современных постмодернистских текстов продемонстрировал, что они характеризуются игрой аллюзий и цитат из всего контекста мировой классической литературы, который входит в когнитивную систему «компетентного» читателя, намеренно отсылаемого к содержанию других сообщений, переданных текстами «готовой» культуры. Таким образом, постижение «двойного смысла» того или иного произведения сопровождается обменом знаниями с предшествующими поколениями. Например, для того чтобы создать каламбур (понятный читателю), должна существовать внутренняя сеть культурных ассоциаций, наличие которой позволяет достигать определенного понимания.

Исследование текстов произведений В. Пелевина показывает, что персонажами его постмодернистского романа «Шлем ужаса» становятся герои мифа о Минотавре (Ариадна, Тесей), перенесенные в современный мир компьютерного дискурса, где участниками обсуждения темы мифа оказываются персонажи с нелепыми прозвищами (никами): Organism, Romeo-y-Cohiba, Nutscracker, Monstradamus, IsoldA, UGLI 666 и др.

Диалог (и игра) с читателем начинается с названия романа, отсылающего к известному мифу: «Шлем ужаса. Креатифф о Тесее и Минотавре» [10]. При этом оно настраивает читателя на восприятие переосмысленного значения литературного кода. Подсказкой здесь служит слово *креатифф* (от англ. creative – «творческий»), как и ключевое слово *лабиринт*, куда попеременно попадают участники дискурса – персонажи. Начальные буквы их имен также образуют ключевое слово *Minotaurus*. Ариадна поддерживает смысловую организацию романа: ее сны, рассказанные остальным, дают понять многое, например устройство и принцип действия Шлема ужаса, а ее повествование в романе – это «нить Ариадны», которая может и спасти героев, и запутать их.

Мифы являются источником сюжетов и образов во все времена развития культуры, но мифом может стать созданная автором новая реальность, моделируемая в соответствии с законами древнего сознания. Такая реальность не ограничена мифическими персонажами, это может быть и сюжет, и сама структура мифа – нечто реальное, интерпретирующееся особым образом. Авторский миф, созданный на базе языка культуры, в новом произведении приобретает новые черты и значения. Это происходит потому, что авторское мышление накладывается на мышление мифопоэтическое, и в результате появляется новый миф, отличный от своего прототипа. Сознание писателя насыщено текстами готовой культуры, и писатель постмодерна обыгрывает мифические сюжеты и образы.

В. Пелевин, опровергая традиционные представления, по-новому смотрит на процесс твор-

чества: он подчиняет форму изображению абсурдного и бессвязного потока разнородных впечатлений, составляющих духовный мир его персонажей. Поэтика Пелевина основана на пародировании и снижении серьезного до нелепости. В повествовании нет никакой последовательности и логичности действий, поступков героев, отношений между ними – всего лишь функционирование образно-ассоциативной системы в процессе чата.

Рассуждая о безграничных возможностях интерпретации, Н. Луман отмечает: «...читатель имеет дело с процессом сообщения в редуцированной форме – с текстом. Зачастую создание текста занимает длительные пространственные и временные промежутки. В силу этого утрачивается интерес к конкретным мотивам сообщения <...> а вместо этого открываются свободные пространства интерпретации, которые могут заполняться самым различным образом» [11, с. 274–275].

Интерпретация сложных постмодернистских текстов В. Пелевина требует, на наш взгляд, использования приема «рефлексивного мостика», включающего следующие средства: а) метафоризация (на основе собственно метафоры и всех других тропов, служащих орудием пробуждения рефлексии); б) актуализация (фонетическая, интонационная, грамматическая, лексическая, словосочетательная и др.); в) экспликационность и импликационность; г) прямая отсылка к отдаленной онтологической картине (аллюзия, цитация, пародирование и т. п.); интертекстуальность; д) ирония, юмор и проч.

Следует отметить, что механизмы актуализации в тексте подчиняются законам и языковым нормам порождающей лингвокультуры. Одновременно в романе происходит актуализация множественных смыслов, и этот прием является доминирующим, поскольку становится связующим звеном между реальным миром читателя и вымышленным миром текста.

Язык культуры обуславливает присутствие внешней и внутренней интертекстуальности, т. е. включает цитаты, аллюзии, иностранные

слова, смешанные языковые стили (в т. ч. просторечие и ненормативную лексику, сленг). Подчеркнем, что для подобных текстов постмодернизма актуальна идея синкретической интертекстуальности, которая реализует отношения между анализируемым текстом и текстами, принадлежащими другим семиотическим системам.

В процессе чтения произведения сопоставляются системы интертекстуальных связей в тексте на субтекстовом, текстовом и метатекстовом уровнях, выявляются их сходства и различия, определяются доминирующие факторы трансформаций [12].

В тексте романа имена собственные содержат информацию разного объема: специальную или очень широкую, с разной степенью известности в разных сферах общения. Имя персонажа называет действительно существующий или выдуманный объект мысли, лицо или место (Isolda ищет своего Тристана, а Romeo-y-Cohiba – Джульетту). Кроме того, в каждом имени обычно содержится информация о локальной и национальной принадлежности обозначаемого им объекта. В настоящее время мотивация называния в художественной литературе становится отдельной проблемой в изучении свойств имени собственного. Пересмысление имен персонажей представляет распространенный прием языковой игры и реализует принцип карнавализации. Это явление, свойственное литературе постмодерна. Анализ функций антропонимов в тексте романа показывает, что имена собственные выполняют важные текстообразующие функции. Это создание мифологической жанровой доминанты, параллельный вымышленный мир текста становится одним из возможных миров нового языка культуры.

В данном процессе приобщение человека к культуре цитат (аллюзия, реминисценция) выступает объектом мысли, анализа, переработки прецедентных текстов. А результатом аналитического мышления является законченное, но открытое (по У. Эко) постмодернистское произведение. Замечательной особенностью

такого процесса можно считать попадающие в поле зрения автора накопления всех культурных эпох: от античности до постсовременности. Цитируя прецедентные тексты, являющиеся, без сомнения, объектом культуры, автор постмодернистского текста сохраняет и пропагандирует культуру прежних эпох. При этом он дает собственный комментарий к «старым» текстам, придавая им новый смысл. У. Эко отмечал, что и ритейк, и римейк, и серия, и сага, и интертекстуальность всегда имели место в художественной культуре: «Все произведения Шекспира – это римейк предшествующих историй» [13, с. 85].

При чтении текста благодаря языку культуры читателю становится доступна вся культура предшествующих эпох. Тексты культуры сжимаются до представляющих их культурных знаков и кодов (цитаций). Кроме них большое значение для анализа постмодернистских текстов имеют другие культурные коды, т. е. системы поведения и ценностей:

- этикет (не только как система жестов, но и как система конвенций, табу, иерархий и т. п.);
- системы моделирования мира (мифы и легенды, теологические системы, которые создают единую картину, отражающую глобальное видение мира с позиций какого-либо сообщества);
- типология культур (семиотический подход к изучению культуры как в синхронном, так и диахронном плане, т. е. описание кодов, по которым та или иная культура строит конкретные сообщения);
- модели социальной организации (попытки семиотической интерпретации идеологии и проч.).

Вопрос о культурных универсалиях – общих чертах, характеристиках или компонентах культуры, присущих всем странам, государствам и народам независимо от их географического и социально-экономического положения, – ставится практически во всех современных направлениях лингвистической антропологии. Так, например, в зарубежной науке было выделено от 9 (К. Уисслер) до 60 (Дж. Мердок) универсалий, присущих всем

культурам: речь (язык), материальные черты, искусство, мифология и научное знание, религиозная практика, семья и социальная система, собственность, правительство, война и др. Вопрос о существовании универсального языка культуры еще не ставился в науке, это понятие, которое требует дальнейшей разработки.

Ученые полагают, что в настоящее время формируется новый, «интегралистский» подход, объединяющий познавательные возможности указанных областей знания на основе методологии комплексного анализа языка культуры. Художественное пространство произведения расширяется за счет коннотаций, добавляемых читателем к простому текстуальному смыслу, а культурные конвенции способствуют формированию читательского тезауруса: «Энциклопедическая компетентность, герменевтический круг, а также модально-ценностное восприятие действительности и текста – все эти принципы являются основополагающими при интерпретации постмодернистского дискурса» [12, с. 19].

Итак, постмодернизм представляет собой особую культурную традицию, которая включает весь опыт предшествующих эпох, весь комплекс мировоззренческих, аксиологических и эстетических парадигм. При этом постмодернизм содержит разные подходы к реализации того или иного типа культуры. Дискурс, компонент социокультурного взаимодействия, предполагает наличие интегрированной системы взглядов, концепций, реализующихся в тексте. В свою очередь, постмодернистский дискурс охватывает комплекс текстов и других репрезентантов культуры, реализующихся в современном обществе. В науке отмечается, что «отечественный постмодернизм обнаруживает органическую связь с предшествующими культурными формациями» [14, с. 8].

Именно культурная природа постмодернизма обуславливает языковые изменения этого периода. Культура играет решающую роль в формировании языка, и язык фиксирует всю культурную информацию, так называемую культурную память народа. художе-

ственный текст – это проявление культуры и менталитета определенной нации, закодированное в языке. Стремление лингвистов отыскать следы культуры в различных репрезентациях языка позволит в будущем обнаружить кросскультурные универсальные коды, общие для всего человечества.

Автор произведения живет в обществе, обладающем своей культурной памятью и культурным наследием. Присущее сознанию языковой личности в постмодернизме свойство цитатности вводит писателя в определенный культурный контекст, способствующий усвоению культурных традиций. Вследствие этого читатель начинает диалог не только с автором текста, но и со всей определяющей культурной традицией. Такие диалогические отношения с внетекстовой сферой М.М. Бахтин объясняет наличием в тексте объективно заложенной имплицитной информации общекультурного характера [14].

Лингвокультурологический аспект исследования художественного текста постмодерна охватывает не только национально-культурный компонент в семантике и номинации слова, но и широкую знаковую картину мира искусства, достигаемую за счет интегративного использования накопленного писателем опыта. Характерной особенностью текстов постмодернизма является включение слов-символов разных культур, терминов разных наук и разных искусств – музыки, живописи, архитектуры, что и составляет «культурную память» человечества [15]. Мы полагаем, что каждый художественный текст представляет собой уникальное явление искусства, в котором заключена концептуально нагруженная и ценностно ориентированная информация. В художественном тексте посредством языка культуры вербализуется восприятие человеком окружающей действительности. Эта идея отражена и в концепции Ю.М. Лотмана, отмечающего, что в процессе коммуникации

обнаруживаются кроме прочих следующие функции текста: а) «общение между аудиторией и культурной традицией» – функция «коллективной культурной памяти»; б) «общение между текстом и культурным контекстом» [16, с. 6].

Отношения между текстом и культурой, текстом и автором, автором и читателем подчиняются законам того культурного пространства, где текст был создан и воспринят читателем. Язык культуры реализуется в текстах, но выходит за их пределы, растворяясь в социуме. Нельзя не согласиться с мыслью Ю.М. Лотмана о том, что человек, признающий другие культуры, мыслит себя частью мировой культуры. Постмодернистский художественный текст насквозь пропитан знаками разных культур. Это свидетельствует о некоторой возможности причислить его к реализации дискурс-универсума, т. е. глобальному описанию языковой картины мира. Отметим широкую знаковую постмодернистского текста, организованного как культурное пространство, где слово является «Словом-В-Культуре».

Каждый человек принадлежит к определенной, исторически данной культуре, а фундаментальный уровень культуры образует язык. Язык оказывается важнейшим орудием человеческого общения, т. к. делает доступными пониманию мысли и чувства людей. Таким образом, культура и язык неизбежно становятся объектами различных наук, и подход к изучению данных проявлений человеческой деятельности, соответственно, должен быть комплексным. Подводя итог, отметим, что интерпретация постмодернистского дискурса возможна с помощью подключения системы лингвокультурных и языковых кодов, каковым мы считаем язык культуры, с помощью которого можно расшифровывать культурные знаки, символы, концепты, задействованные в процессе межкультурной, общечеловеческой коммуникации.

Список литературы

1. Красавский Н.А., Кириосов И.М. Образ женщины в пословично-поговорочном фонде немецкого языка // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. С. 48–54.
2. Пелевин В.О. Generation «П». М.: Открытый мир, 2005. 224 с.
3. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма в шести томах. М.: Классика, 2003.
4. Викторова Н.А. Английская литературная сказка эпохи постмодернизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2011. 21 с.
5. Назаренко Е.В., Приходько Н.А. Современная авторская сказка как пример постмодернистского дискурса // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. науч. журн. 2013. № 2(2). URL: <http://7universum.com/pdf/philology/2/Nazarenko1.pdf> (дата обращения: 27.10.2019).
6. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс: Универс, 1993. 655 с.
7. Калугина Т. Постмодернистская парадигма как защитный механизм культуры // Вопр. искусствознания. 1996. № 1. С. 192–202.
8. Покровская Е.А. Русский синтаксис в XX веке: лингвокультурологический анализ. Ростов н/Д., 2001.
9. Беневоленская Н.П. Русский литературный постмодернизм: психоидеологические основы, генезис, эстетика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010. 50 с.
10. Пелевин В.О. Шлем ужаса. Креатифф о Тесее и Минотавре. М.: Азбука. Азбука-Аттикус, 2015. 320 с.
11. Луман Н. Общество общества. М.: Логос, 2011. 640 с.
12. Лучинская Е.Н. Необходимость высказанной рефлексии постмодернистского мифа // Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы V Междунар. науч. конф. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2015. С. 19–23.
13. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Петрополис, 1998. 432 с.
14. Бахтин М.М. Человек в мире слова. М.: Изд-во Рос. открытого ун-та, 1995. 139 с.
15. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: АСТ, 2018. 256 с.
16. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Труды по знаковым системам. 12: Структура и семиотика художественного текста / отв. ред. Ю. Лотман. Тарту, 1981. Вып. 515. С. 3–7.

References

1. Krasavskiy N.A., Kiriosov I.M. Obraz zhenshchiny v poslovichno-pogovorochnom fonde nemetskogo yazyka [The Image of Woman in German Proverbs and Sayings]. *Yazykovaya lichnost': kul'turnye kontsepty* [Linguistic Personality: Cultural Concepts]. Volgograd, 1996, pp. 48–54.
2. Pelevin V.O. *Generation "P"*. Moscow, 2005. 224 p. (in Russ.).
3. Tyutchev F.I. *Polnoe sobranie sochineniy i pis'ma v shesti tomakh* [Complete Works and Letters in Six Volumes]. Moscow, 2003.
4. Viktorova N.A. *Angliyskaya literaturnaya skazka epokhi postmodernizma* [English Literary Tale of the Postmodern Era: Diss. Abs.]. Kazan, 2011. 21 p.
5. Nazarenko E.V., Prikhod'ko N.A. Sovremennaya avtorskaya skazka kak primer postmodernistskogo diskursa [Modern Author's Fairy Tale as an Example of Postmodernism Discourse]. *Universum: Filologiya i iskusstvovedenie: elektronnyy nauchnyy zhurnal*, 2013, no. 2. Available at: <http://7universum.com/pdf/philology/2/Nazarenko1.pdf> (accessed: 27 October 2019).
6. Sapir E. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiu i kul'turologii* [Selected Works on Linguistics and Culturology]. Moscow, 1993. 655 p.
7. Kalugina T. Postmodernistskaya paradigma kak zashchitnyy mekhanizm kul'tury [Postmodern Paradigm as Culture's Defence Mechanism]. *Voprosy iskusstvoznaniya*, 1996, no. 1, pp. 192–202.
8. Pokrovskaya E.A. *Russkiy sintaksis v XX veke: lingvokul'turologicheskiy analiz* [Russian Syntax in the 20th Century: A Linguocultural Analysis]. Rostov-on-Don, 2001.
9. Benevolenskaya N.P. *Russkiy literaturnyy postmodernizm: psikhoideologicheskie osnovy, genezis, estetika* [Russian Literary Postmodernism: Psycho-Ideological Foundations, Genesis, Aesthetics: Diss. Abs.]. St. Petersburg, 2010. 50 p.
10. Pelevin V.O. *Shlem uzhasa. Kreatiff o Tesee i Minotavre* [The Helmet of Horror: The Myth of Theseus and the Minotaur]. Moscow, 2015. 320 p.

11. Luhmann N. *Die Gesellschaft der Gesellschaft*. Suhrkamp, 1997 (Russ. ed.: Luman N. *Obshchestvo obshchestva*. Moscow, 2011. 640 p.).
12. Luchinskaya E.N. Neobkhodimost' vyskazannoy refleksii postmodernistskogo mifa [The Necessity of the Articulated Reflection of the Postmodern Myth]. *Kontinual'nost' i diskretnost' v yazyke i rechi* [Continuity and Discreteness in Language and Speech]. Krasnodar, 2015, pp. 19–23.
13. Eco U. *La struttura assente: Introduzione alla ricerca semiologica*. Milan, 1968 (Russ. ed.: Eko U. *Otsustvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu*. St. Petersburg, 1998. 432 p.).
14. Bakhtin M.M. *Chelovek v mire slova* [The Word in the World]. Moscow, 1995. 139 p.
15. Lotman Yu.M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and Explosion]. Moscow, 2018. 256 p.
16. Lotman Yu.M. Semiotika kul'tury i ponyatie teksta [The Semiotics of Culture and the Concept of a Text]. Lotman Yu.M. (ed.). *Trudy po znakovym sistemam. 12: Struktura i semiotika khudozhestvennogo teksta* [Sign Systems Studies. 12: The Structure and Semiotics of a Literary Text]. Tartu, 1981. Iss. 515, pp. 3–7.

DOI: 10.37482/2227-6564-V004

Elena N. Luchinskaya

Kuban State University;
ul. Stavropol'skaya 149, Krasnodar, 350040, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9554-1357> e-mail: bekketsam@yandex.ru

THE LANGUAGE OF CULTURE IN POSTMODERN DISCOURSE

This article deals with the representation of the language of culture in postmodern texts, abounding with cultural codes that summarize all cultural notions characteristic of the epoch under study. It is pointed out that the main forms of such representation are key words, symbolic words, precedent phenomena and names of different sciences, as well as arts, all making up the cultural memory of mankind. The analysis of contemporary postmodern texts showed that they are full of allusions and citations from the entire context of world classical literature stored in the cognitive system of the competent reader, who is ready to recognize the precedent texts and culture. Thus, the understanding of the text's double meaning is accompanied by an exchange of knowledge with preceding generations. It is claimed here that some language units include the so-called national-cultural component of meaning. As a rule, these are key words, i.e. important symbolic signs of each given culture. The main idea of this article is that the relationship between text and culture, text and author, author and reader is built according to the rules of that cultural space in which the text was created and perceived by the reader. It is noted that the language of culture is represented in texts, but goes beyond their bounds and into the society. Further, the author outlined a range of questions connected with the understanding and interpretation of complex multilayer postmodern texts, both Russian and foreign. It is emphasized that postmodern fiction is saturated with signs from different cultures and that knowledge of the language of culture could help to interpret and understand postmodern texts. This approach opens up an opportunity to study the realization of the universal discourse within the framework of describing linguistic worldview.

Keywords: *postmodern discourse, interpretation, language of culture, precedent phenomenon, culture code.*

Поступила: 07.10.2019

Принята: 15.01.2020

Received: 7 October 2019

Accepted: 15 January 2020

For citation: Luchinskaya E.N. The Language of Culture in Postmodern Discourse. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2020, no. 2, pp. 34–42. DOI: 10.37482/2227-6564-V004